

Price in NYC 50¢ outside of NYC \$1

«STAY» - ФИЛЬМ НА ДВОИХ

стр.12-13

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ

стр.14-16

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

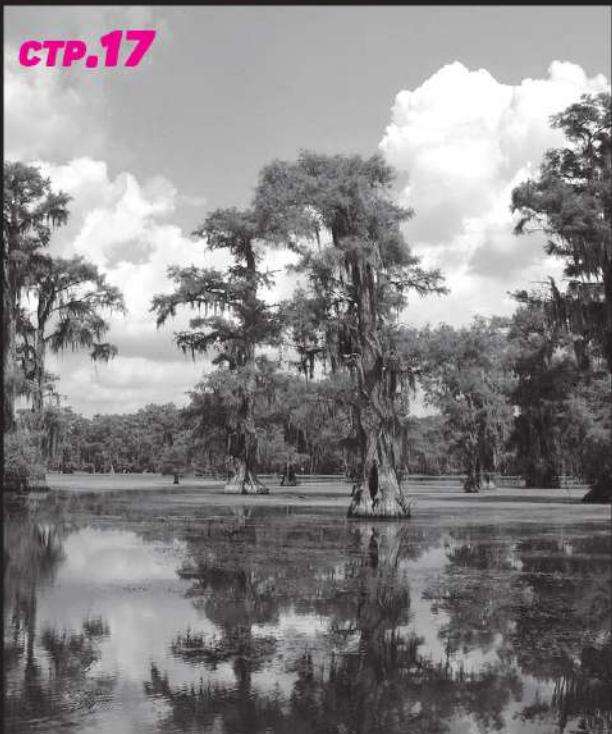
№42 (71)
ОКТЯБРЬ 2021

Бульварные новости

ОЗЕРА АМЕРИКИ

стр.17

стр.8-10

ГЕОРГИЙ ВИЦИН. ЖИТЬ НЕЗАМЕТНО

стр.11

КИНО VS. КНИГА

Геннадий Норд

Это серое, ничем не примечательное здание на Старой площади в Москве редко привлекало внимание проезжающих мимо. Настоящее зрелище ожидало их после поворотов направо и трех минут езды — собор Василия Блаженного, Красная площадь и, конечно же, величественный и легендарный Кремль. Все знали — одна шестая часть земной суши, именуемая СССР, управлялась именно отсюда.

Все немного ошибались.

Нет, конечно же, высокие кабинеты были и в Кремле, но, по-настоящему управляли Советской империей те, кто помешался в том самом сером здании на Старой площади — в двух поворотах и трех минутах езды.

И именно здесь помещался самый главный кабинет страны, кабинет генерального секретаря ЦК КПСС. Ранней весной 1966 года в нем хозяина Ленинграда Брежнева.

В этот день в коридорах серого здания царила непривычная суета. Можно даже сказать переполох. Понукаемая нетерпеливыми окриками генсека, партийно-чиновничья рать пытается выполнить

стенно у трапа находился его друг и соратник Армад Мишель, проживавший в СССР.

— Ну и что? — спокойно спросил генсек. — В чем проблема-то?

— Нет такого гражданина в СССР, — у平淡ым голосом ответствовал министр. — Не нашли, Леонид Ильич.

— Значит, плохо искали, — вынес

третий пункт протокола.

Бесстрастная лента дипломатической связи любезно повторила: Армад Мишель.

Забегая вперед, заметим — разумеется, французский лидер мог не знать, под какими именно именем и фамилией проживает в СССР его друг и соратник. Он вполне намеренно спровоцировал эти затруднения. Это была маленькая месть генерала. Не за

шерстить архивы, но результат не получили.

Параллельно с машинисткой поработали две узкопрофильные специалисты. И она вспомнила очень существенное: кто именно из помощников Хрущева получил ей печатать тот документ.

По игре случая этот самый помощник именно сегодня отрабатывал свой последний рабочий день в этой должности.

Пришедший к власти полгода назад Брежnev выводил хрущевские кадры из игры постепенно, и очередь этого помощника наступила именно сегодня.

Ринулись к помощнику, который ходил по кабинету и собирали свои вещи. Помощник хмуро пояснил, что не работал по этому документу, а лишь выполнял поручение Хрущева, и только тот может внести в это дело какую-то ясность. Помощнику предложили срочно поехать к Хрущеву, который безвездно жил на отведенной ему даче. Помощник категорически отказался, но ему позвонил сам генсек и напомнил, что его служебная карьера вполне может прерваться еще один очень даже интересный визир.

Спустя два часа помощник сидел в очень неудобной позе на карточках перед бывшим главой компартии, который что-то высаживал на огородной грядке. Вокруг ходили племистые молодые люди, которые Хрущев не столько охраняли, сколько сторожили.

Семидесятидевятисемилетний Хрущев вспомнил сразу:

— Ну, был такой чудак. Из Азербайджана. Во время войны у французов служил, в партизанах ихних. Так вот эти ветераны французские возвели и пошли ему аж сто тысяч долларов. А этот чудак взмыли и откалился. Ну, я и велел его доставить прямо ко мне. И прямо так по партийному ему сказал: «Нравится, мол, мне, что ты подаешь заморские не принимашь. Но, с другой стороны, возвращать этим капиталистам деньги обидно как-то. А не хочешь ли ты, брат, эту сумму в наш Фонд Мира внести? Вот это будет по-нашему, по-советски!»

— И он внес? — спросил помощник.

— Даже кумекать не стал, — торжествующе сказал Хрущев. — Умел я, все ж таки, убеждать. Не то, что нынешние. Короче, составили мы ему заявление, обедом я его знатными угостил, за это время нужные документы из Фонда Мира привезли, он их подписал и вся недолга. Расцеловался я его. Потому как, хоть и чудак, но сознательный.

Помощник взглянул на часы и приступил к выполнению основной задачи.

— Так это ж клика его партизанская была, — укоризненно пояснил Хрущев. — А настоящая имя и фамилия у него были — без пол-литра не то, что не запомнишь — не выговоришь даже.

Помощник выразил сожаление.

А Хрущев побагровел и крякнул от досады.

— А чего я тебе про Фонд Мира талдычу? Финансовые документы-то не на кличку ведь составляли! — Он взглянулся на своего бывшего помощника и не удержался. — А ты, я смотрю, как был мудак мудаком, так и остался.

Спустя четверть часа в Фонде Мира подняли финансовая отчетность.

Затем пошли звонки в столицу советского Азербайджана Баку.

В Баку срочно организовали кортеж из нескольких черных автомобилей марки «Волга» и отрядили его на север республики в город Шеки. Там к нему присоединились авто местного начальства. Скоро машины съехали с трассы и по ухабистой узкой дороге направились к конечной цели — маленькому селу под названием Охуд.

Жители села повели себя по-разному по отношению к этой автомобильной экспансии. Те, что постарше, беззрочно испугались, а те, что помладше, побежали рядом, сверкая голыми пятками.

Время было уже вечернее, кортеж подъехал к небольшому скромному домуку на окраине села — ведь теперь все приехавшие знали, кого именно искать.

Он вышел на крыльцо. Сельский агроном сорока семи лет от роду, небольшого роста и, что довольно необычно для этих мест, русоволосый и голубоглазый.

Он вышел и абсолютно ничему и никому не удивился.

Его обступили чиновники самого разного ранга и торжественно объявили, что агроном должен срочно ехать в Баку, а оттуда лететь в Москву к самому товарищу Брежневу.

приговор Брежнева. После чего бросил трубку, нажал какую-то кнопку и велел поискать хорошо.

В первые полчаса Армада Мишеля искали единицы, во вторые полчаса — десятки.

Спустя еще три часа его искали уже тысячи. Во многих похожих зданиях, в республиках, краях и областях.

И вскоре стало ясно: Армад Мишель — фантом. Ну, не было в СССР человека с таким именем и фамилией. Уж если весь КГБ стоит на ушах и не находит человека, значит, его просто нет.

Решились на беспрецедентное — позвонили в Париж и попросили повторить

себя, конечно. А за своего друга и соратника.

А на Старой площади тем временем назревал скандал. И во многих других адресах бескрайнего СССР тоже.

И тут мелькнула надежда. Одна из машинисток серого здания не без колебаний сообщила, что года три назад, ей, вроде, пришло один раз напечатать эти два слова, и что тот документ предназначался лично Никите Хрущеву, а именно он правил СССР в означенном 1963-м году.

Сегодня нажали бы на несколько кнопок компьютера и получили бы результат.

В 66-м году десятка пар рук принялись

Шарль де Голль

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ

Герой во Франции, пастух в СССР

одно-единственное, но срочное задание: найти гражданина СССР Армада Мишеля.

Всё началось утром. Генсеку позвонил взволнованный министр иностранных дел, в преддверии визита в СССР президента Французской Республики генерала Шарля де Голля, доложил следующее:

— Все службы к встрече готовы. Все мероприятия определены. Час назад поступил последний документ — от протокольной службы президента Франции. Третий по счету пункт протокола вызвал проблему. Дело в том, что высокий гость выразил пожелания, чтобы среди встречающих его в Москве, причем, непосред-

шегося, был Армад Мишель — французский генерал, участник Второй мировой войны, герой Франции.

— Извините, Армада Мишеля в СССР нет, — сказала помощница Хрущева. — Но, если у вас есть документы, подтверждающие его пребывание в стране, мы можем принять его.

— Я не могу предоставить никаких документов, — сказал генсек. — Но я могу принести Армада Мишеля.

— Вы можете принести Армада Мишеля? — удивленно спросила помощница.

— Да, — сказал генсек. — Я могу принести Армада Мишеля. Но я не могу принести Армада Мишеля.

— Вы можете принести Армада Мишеля? — удивленно спросила помощница.

— Да, — сказал генсек. — Я могу принести Армада Мишеля. Но я не могу принести Армада Мишеля.

— Вы можете принести Армада Мишеля? — удивленно спросила помощница.

— Да, — сказал генсек. — Я могу принести Армада Мишеля. Но я не могу принести Армада Мишеля.

— Вы можете принести Армада Мишеля? — удивленно спросила помощница.

— Да, — сказал генсек. — Я могу принести Армада Мишеля. Но я не могу принести Армада Мишеля.

— Вы можете принести Армада Мишеля? — удивленно спросила помощница.

— Да, — сказал генсек. — Я могу принести Армада Мишеля. Но я не могу принести Армада Мишеля.

— Вы можете принести Армада Мишеля? — удивленно спросила помощница.

— Да, — сказал генсек. — Я могу принести Армада Мишеля. Но я не могу принести Армада Мишеля.

— Вы можете принести Армада Мишеля? — удивленно спросила помощница.

— Да, — сказал генсек. — Я могу принести Армада Мишеля. Но я не могу принести Армада Мишеля.

На лице агронома не дрогнул ни один мускул, и он ответил, что не видит никакой связи между собой и товарищем Брежневым, а вот на работе куча дел, и он не может их игнорировать.

Все обомлели, вокруг стали собираться осмелевшие сельчане, а агроном возвёлся вернуться в дом. Он уже был на пороге, когда один из визитеров, поумнее или поинформированнее остальных, вбросил в свою реплику имя де Голья и связно изложил суть дела.

Агроном повернулся и попросил его поклясться.

Тот поклялся своими детьми.

Этой же ночью сельский агроном Ахмедия Джабраилов, он же один из самых заметных героев французского Сопротивления Армад Мишель, вылетел в Москву.

С трапа самолёта его привезли в гостиницу «Москва», поселили в двухкомнатном номере, дали на сон пару часов, а утром увезли в ГУМ, в двухстороннюю секцию, которая обслуживала только высшее руководство страны. И там подобрали ему несколько костюмов, сорочки, галстуки, обувь, носки, запонки, нижнее белье, плащ, демисезонное пальто и даже зонтик от дождя. А затем все-таки повезли к Брежневу.

Генсек встретил его, как родного, обнялся, долго тряс руку, сказал не сколько общих фраз, а затем, перепоручив его двум «товарищам», посоветовал Ахмедии к нему прислушаться.

«Товарищи» проводили его в комнату с креслами и диванами, уселись напротив и предложили сельскому агроному следующее.

— Завтра утром прибывает де Голья. Он, может быть, захочет посетить малую родину своего друга и соратника село Охуд. В данный момент туда проводится асфальтовая дорога, а дополнительное предложение есть вот что, — перед Ахмедией на стол легла безупречно составленная карта той части села, где находился его домик. — Вот эти соседские шесть домов в течение двух суток будут сравнены с землей. Живущих в них переселят в более благоустроенные дома. Ваш дом поднимут в два этажа, окольются берегом, добавят две пристройки, а также хлев, конюшню, просторный курятник и пару гаражей — для личного трактора и личного автомобиля. Всю эту территорию огородят добрым забором и оформят, как собственность семьи Джабраиловых. Но вы должны забыть о том, что вы агроном и скромно сообщить другу, что стали одним из первых советских фермеров. Все это может быть переделано за две сутки, если будет соблюдена одна сущая мелочь — на этом настоял Леонид Ильин, а именно — если вы подадите свое согласие.

Агроном их выслушал, не перебивая, а потом без всякой паузы на чистом русском языке сказал:

— Я ничего не услышал. А знаете почему?

— Почему? — почти хором спросили «товарищи».

— Потому что вы ничего не сказали, — сказал Ахмедия.

«Товарищи» стали осознавать сказанное, а он встал и вышел из комнаты.

Встречающие высокого гостя допущенные на летное поле Внуково-2 были подделены на две группы. Одна — высокопоставленная, те, которым гость должен пожать руки, а другая «помельче», она должна была располагаться в стороне от трапа и махать гостю руками. Именно сюда и задвинули Ахмедию, и он встал с самого дальнего края. Одетый с иголочки, он никакой физической неполночи не ощущал, потому что одинаково свободно мог носить любой род одежды — от военного мундира до смокинга и французской пары, хотя последние пятнадцать лет носил совершенно другое.

Когда высокая и ни с какой другой не сравнимая фигура де Голя появилась на верхней площадке трапа, лицо Ахмедии стало покрываться пунцовыми пятнами, что с ним бывало лишь в мгновение сильного душевного волнения.

Генерал сбежал по трапу не по возрасту легко. Теплое рукопожатие с Брежневым, за спинами обоих выросли переводчики, не сколько общих фраз, взаимные улыбки, поворот генсека к свите, сейчас он должен привести гостя вдоль живого ряда встречающих, представить их, но... Де Голья наклоняется к Брежневу, на

лице генерала что-то вроде извинения, переводчик понимает, что нарушается протокол, но исправно переводит.

Положение спасает сам Брежnev. Он вновь обращается к гостю и указывает ему рукой в сторону Ахмедии. Через мгновение туда смотрят уже абсолютно все, а де Голья начинает стремительное движение к другу, и тот тоже бросается к нему.

Они обнимаются и застыают, сравниваясь по габаритам с Доном Кихотом и Санно Пансом. А все остальные, или почти все, пораженно смотрят на них.

Ахмедию прямо из аэропорта увезут в отведенную де Голлю резиденцию — так пожелает сам генерал. Де Голья проведет все протокольные мероприятия, а вечернюю программу попросит либо отменить, либо перенести, ибо ему не терпится пообщаться со своим другом.

Де Голья приедет в резиденцию еще засветло, и они проведут вместе долгий весенний вечер. Два друга будут гулять по зимнему саду, сидеть в уютном холле, ужинать при свечах, рассстегнув постепенно верхние пуговицы сорочки, ослабив узлы галстуков, избавившись от пиджаков, прохаживаться по аллеям резиденции, накинув на плечи два одинаковых пледа и при этом беседовать и вспоминать.

Ахмедия родился в деревне Охуд. В детстве и отрочестве он ничем, кроме своей внешности, не выделялся. Закончил сельхозтехникум, но поработать не успел, потому что началась война.

Записался в добровольцы, а, попав на фронт, сразу же попросился в разведку.

— Почему? — спросили его.

— Потому что я ничего не боюсь, — ответил он, излучая своими голубыми глазами абсолютную искренность.

Его смеяли прямо перед строем.

Из первого же боя он вернулся позже всех, но приволок «языка» — солдата наголову вышиб и в полтора раза тяжелее себя. За это его примерно наказали, тем более, что рядовой немецкой армии никакими военными секретами не обладал.

От законных солдатских ста грамм перед боем он отказался.

— Ты что — вообще не пьешь? — поинтересовалась у него.

— Пью, — ответил он. — Если повод есть. Любви окружающих этому не прибавило. Однажды его застали за углублённым изучением русско-немецкого словаря.

Реакция была своеобразная:

— В план, что ли, собрался?

— Разведчик должен знать язык врага, — пояснил он.

— Но ты же не разведчик.

— Пока, — сказал он.

Как-то он пересекся с полковым переводчиком и попросил того объяснить ему некоторые тонкости немецкого словоупотребления, причем просьбу изложил на языке врага. Переводчик поразился его произношению, просьбу удовлетворил, но затем сходил в штаб и поделился с нужными товарищами своими сомнениями. Биографию нашего героя тщательно переполнили, но немецких «следов» не обнаружили.

Но, на всякий случай, вычеркнули его фамилию из списка представленных к медали.

В мае 1942 года в результате безграмотно спланированной военной операции батальон, в котором служил Ахмедия, почти полностью полег на поле боя. Но его не убило. В бессознательном состоянии он был взят в плен и вскоре оказался во Франции, в концлагере Монгобан. Знание немецкого он скрыл, спрятавшись в полагая, что может оказаться «шестеркой» у немцев.

Почти сразу же он приглянулся уборщице концлагеря француженке Жаннет. Ей удалось уговорить начальство лагеря определить этогоничем не примечательного узника себе в помощники. Он стал таскать за ней мусор, а заодно попросил её научить его французскому языку.

— Зачем это тебе? — спросила она.

— Разведчик должен знать язык союзников, — пояснил он.

— Хорошо, — сказала она. — Каждый день буду учить тебя пяти новым словам.

— Двадцать пяти, — сказал он.

— Не запомнишь. — засмеялась она.

Он устремил на неё ясный взгляд своих голубых глаз.

— Если забуду хотя бы одно, будешь учить по-своему.

Он ни разу не забыл, ни одного слова. Затем пошла грамматика, времена, артикли, коих во французском языке великое множество, и через пару месяцев ученик бегло болтал по-французски с вполне уловимым для знатоков марсельским выговором — именно оттуда было родом его наставница Жаннет.

Однажды он исправил одну её стилистическую ошибку, и она даже заплакала об обиды, хотя могла бы испытать чувство гордости за ученика — с женщинами всего мира иногда случается такое, что ставит в тупик нас, мужчин.

А потом он придумал план — простой, но настолько дерзкий, что его удалось осуществить.

Жаннет вывела его за пределы лагеря вместе с мусором. И с помощью своего племянника отправила в лес к «маки».

Своим будущим французским друзьям он сорвал лишь один — единственный раз. На вопрос, кем он служил в советской армии, он ответил, не моргнув ни одним голубым глазом:

— Командиром разведотряда.

Ему поверили и определили в разведчики — в рядовые, правда. Через четыре ходки на задания его назначили командиром разведгруппы. Ещё спустя месяц, когда он пустил под откос товарняк с немецким оружием, его представили к первой французской награде.

Чуть позже ему вручили записку, собственно ручную написанную лидером всех свободных французов Шарлем де Голлем. Она была предельно краткой:

«Дорогой Армад Мишель! От имени сражающейся Франции благодарю за службу. Ваш Шарль де Голья».

И подпись, разумеется.

Имя Армад он выбрал сам, а Мишель — французский вариант имени его отца — Микаэля.

Эти два имени стали его основным псевдонимом. Но законы разведслужбы и конспирации обязывали иногда менять даже ненастоящие имена.

История сохранила почти все его остальные псевдонимы — Фрахи, Кураж, Харго и даже Рюс Ахмед.

Всё это время наш герой продолжал совершенствоваться в немецком языке, обязав к этому и своим разведчикам. Это было нелегко, ибо французы органически не переваривали немецкий. Но ещё сильнее он не переваривал, когда не понимался его приказы.

И вскоре он стал практиковать походы в тыл врага — малыми и большими группами в формах немецких офицеров и солдат. Особое внимание уделял немецким документам — они должны были быть без сучка и задоринки. Задания получал от своих командиров, но планировал их сам. И за всю войну не было ни одного случая, чтобы он сорвал или не выполнил поставленной задачи.

Однажды в расположение «маки» привезли награды. И он получил свой первый орден — Крест за добровольную службу.

Через два дня в форме немецкого капитана он повел небольшую группу разведчиков и диверсантов на сложное задание — остановить эшелон с пятьюстами французскими детьми, отправляемыми в Германию, уничтожить охрану поезда и вывести детей в лес.

Задание артистично и с блеском было выполнено, но себя он не уберег — несколько осколочных ранений и потеря сознания. Он пролежал неподалеку от железнодорожного полотна почти сутки. В кармане покоились безупречно выполненные немецкие документы, а также фото женщин с двумя русоволосыми детьми, на обороте которого была надпись: «Моему дорогому Хайну от любящей Марики и детей». Армад Мишель любил такие правдолюбивые детали. Он пришел в себя, когда понял, что найден немцами и обыскивается ими.

— Он жив, — сказал кто-то.

Тогда он изобразил бред умирающего и прошептал что-то крайне сентиментального типа:

— Дорогая Марика, ухожу из этой жизни с мыслью о тебе, детях, дяде Карле и великой Германии.

Окончание на с. 16

Окончание. Начало на с. 14-15

В дальнейшем рассказ об этом эпизоде станет одним из самых любимых в среде партизан и остальных участников Сопротивления. А спустя два года приюно, во время дружеского застолья де Гольль заинтересуется у нашего героя:

— Послушай, всё время забываю тебя спросить — почему ты в тот момент пропил какого-то дядю Карла?

Армад Мишель ответил фразой, вызвавшей гомерический хохот и тоже ставший крылатой.

— Вообще-то, — невозмутимо сказал он, — я имел в виду Карла Маркса, но немцы не поняли.

Но это было потом, а в тот момент нашего героя погрузили на транспорт и отправили в немецкий офицерский госпиталь. Там он быстро пошел на поправку и стал, без всякого преувеличения, любимцем всего своего нового окружения. Правда, его лицо чаще обычного покрывалось пунцовыми пятнами, но только его истинные друзья поняли бы настоящую причину этого.

Ну, а дальше произошло невероятное. Капитана немецкой армии Хайнца — Макса Ляйтеба назначили ни много, ни мало — комендантом оккупированного французского города Альбы.

Ахмедия приступил к выполнению своих новых обязанностей. Связь со своими «маки» он наладил спустя неделю. Результатом его неусыпных трудов во славу рейха стали регулярные крушения немецких поездов, массовые побеги военнопленных, — преимущественно, советских, — и масса других диверсионных актов. Новый комендант был любезен с начальством и женщинами и абсолютно свиреп с подчиненными, наказывая их за самые малейшие провинности. Спустя полгода он был представлен к одной из немецких воинских наград, но получить её не успел, ибо ещё через два месяца обеспокоенный его судьбой де Гольль приказал геррру Ляйтебу ретироваться.

И Армад Мишель снова ушел в лес, приватив с собой заодно «языка» в высоком чине и всю наличность комендатуры.

А дальше пошли новые подвиги, личное знакомство с де Голлем и победный марш по улицам Парижа. Кстати, во времена этого знаменитого прохода Армад Мишель шёл в третьем от генерала ряду. Войну он закончил в ранге национального Героя Франции, Кавалера Креста за добровольную службу, обладателя Высшей Военной Медали Франции, Кавалера высшего Ордена Почётного Легиона. Венчал всё это великолепие Военный Крест — высшая из высших воинских наград Французской Республики.

Вручая ему эту награду, де Гольль сказал:

— Теперь ты имеешь право на военных парадах Франции идти впереди Президента страны.

— Если им не станете вы, мой генерал, — ответил Армад Мишель, намекая на то, что у де Голля тоже имелась такая же награда.

— Кстати, нам пора перейти на «ты», — сказал де Гольль.

К 1951-му году Армад Мишель был гражданином Франции, имел жену-француженку и двух сыновей, имел в Дижоне подаренное ему властями автохозяйство и ответственную должность в канцелярии Президента Шарля де Голля.

И именно в этом самом 1951-м году он вдруг вознамерился вернуться на Родину, в Азербайджан.

Для тех, кто знал советские порядки, это выглядело, как безумие. Те, кто знали Армада Мишеля, понимали, что переубеждать его — тоже равносильно безумию.

Де Гольль вручил ему на прощание удостоверение почетного гражданина Франции с правом бесплатного проезда на всех видах транспорта. А спустя дней десять, дижонское автопредприятие называли именем Армада Мишеля.

В Москве нашего Героя основательно потрясло МГБ. Почему сдался в плен, почему на фото в форме немецкого офицера, как сумел совершил побег из концлагеря в одиночку и так далее.

Репрессировать в прямом смысле не стали, отправили в родное село Охуд и велели его не покидать. Все награды, письма, фото, даже право на бесплатный проезд отобрали.

В селе Охуд его определили пастухом. Спустя несколько лет смилостивились и назначили агрономом.

В 1963-м году вдруг вывезли в Москву. Пресловутые сто тысяч, беседа и обед с Хрущевым, отказ от перевода в пользу Фонда мира. Хрущев распорядился вернуть ему все личные документы и награды.

Все, кроме самой главной — Военного Креста. Он давно был экспонатом Музея боевой Славы. Ибо в СССР лишь два человека имели подобную награду — главный Творец Советской Победы Маршал Жуков и недавний сельский пастух Ахмедия Джабраилов.

Он привез свои награды в село и аккуратно сложил их на дно старого семейного сундука.

А потом наступил 66-й год, когда двое старых друзей проговорили друг с другом весь вечер и всю ночь. Руководитель одной из крупных европейских держав и провинциальный сельский агроном.

Ахмедия не стал пользоваться услугами «товарищей». Он сам уехал в аэропорт, купил билет и отбыл на родину.

Горничная гостиницы «Москва», зашедшая в двухкомнатный «полулюкс», который занимал Ахмедия чуть менее двух суток, была поражена. Постоялец уехал, а вещи почему-то оставил. Несколько костюмов, сорочки, галстуки, две пары обуви. Даже нижнее белье. Даже зонтик.

Спустя несколько дней, агроном «появился» до должности бригадира в колхозе.

А через недели две к его сельскому дому вновь подъедут автомобили, в этот раз всего два. Из них выйдут какие-то люди, но на крыльцо поднимется лишь один из них, мужчина лет пятидесяти в диковинной военной форме, которую в эти края никогда не видела. Что и можно понять, потому что в селе Охуд никогда не привезжал один из руководителей министерства обороны Франции, да ещё в звании бригадного генерала, да ещё когда-то близкий друг и подчиненный местного колхозного бригадира.

Они долго будут обниматься и клопать друг друга по плечам. Затем войдут в дом. Но прежде чем сесть за стол, генерал выполнит свою официальную миссию. Он вручит своему соратнику официальное письмо президента Франции с напоминанием, что гражданин СССР Ахмедия Микаил оглу Джабраилов имеет право посещать Францию любое количество раз и на любые сроки, причем за счет французского правительства.

А затем генерал вручит Армаду Мишелью Военный Крест, законную наградную — собственность героя Французского Сопротивления.

Ну, и, в конце концов, они сделают то, что и положено делать в подобных случаях — заплюют «Марсельезу». В стареньком домике. На окраине маленького азербайджанского села.

Армад Мишель стал полным кавалером всех высших воинских наград Франции.

Ахмедия Джабраилов не получил ни одной воинской награды своей родины — СССР.

В 1970-м году с него был снят ярлык «невыездного», он получил возможность ездить во Францию и принимать дома своих французских друзей.

Прошагать на военных парадах Франции ему ни разу не довелось.

В 1994-м году, переходя дорогу, он был насмерть сбит легковым автомобилем, водитель которого находился в состоянии опьянения. Во всяком случае, так было указано в составленном на месте происшествия милиционером протоколе.

